

Н.А. Касавина

О СВЯЗНОСТИ, ЕЕ СВЕРНУТОСТИ И РАЗВЕРНУТОСТИ (К ОБСУЖДЕНИЮ ЛОГИКО-СМЫСЛОВОЙ КОНЦЕПЦИИ СОЗНАНИЯ)

Касавина Надежда Александровна – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: kasavina.na@yandex.ru

Текст статьи написан на основе выступления в дискуссии «Концепция “логики смысла”» А.В. Смирнова и философия сознания», посвященной новой книге А.В. Смирнова «Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению» (2021 г.). Предлагаемое содержание можно рассматривать как со-размышление о ключевых понятиях логико-смысловой концепции сознания: связности, целостности, свернутости, развернутости как основаниях и способах смыслополагания в их экзистенциальной перспективе. Обосновывается, что логико-смысловой подход А.В. Смирнова открывает новые грани в понимании философской рациональности, личностной и культурной субъектности, опыта, сознания и их становления. Для демонстрации общефилософского и методологического статуса вводимой автором системы понятий проводятся аналогии с пониманием экзистенциального опыта как свернутости смыслообразующих переживаний, которые разворачиваются субъектом в коммуникации, творчестве, самопонимании. Понятия, получившие концептуальное обоснование в работах А.В. Смирнова, выводят на другой уровень осмысление истоков опыта, в соответствии с чем меняется и спектр понимания рефлексивных возможностей человека. Если «начинать со связности», как советует нам автор, то укрепляется и обретает новые ракурсы представление о рекурсивности опыта как пульсирующего процесса осмысления и самоосмысления в процессе взаимодействия человека с миром или его «мерцающего» бытия-в-мире. Особым значением здесь обладает сам стиль авторского размышления, который связан с пересмотром устоявшихся философских категорий и их трактовок, уходом от привычных интерпретаций для обнаружения собственного философского языка: собственного – как в плане индивидуального авторского подхода, так и в аспектах формирования современной отечественной философской традиции.

Ключевые слова: логика смысла, философия сознания, связность, свернутость, развернутость, опыт, язык

Для цитирования: *Касавина Н.А.* О связности, ее свернутости и развернутости (к обсуждению логико-смысловой концепции сознания) // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 4. С. 61–68.

Предмет нашей панельной дискуссии – новая книга А.В. Смирнова «Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению», а шире – идеи автора, развернутые в разных его работах в ракурсе взаимосвязанных областей знания: философии сознания, философии языка, философии культуры и цивилизации. Текст книги и в самом деле является приглашением к размышлению, поскольку она написана в полемическом ключе, распутывая способы постановки и решения ключевых философских проблем, причем это распутывание уже как процесс выступает разворачиванием картезианского принципа радикального сомнения. Его приемом в тексте явно или неявно оказывается остранение, которое В.Б. Шкловский связывал с выведением читателя из «автоматизма восприятия», стереотипности мышления, мешающей увидеть вещи заново. Почему это важно? Если следовать Шкловскому, это имеет значение для глубокого переживания жизни, для возвращения полноты ее восприятия, что в искусстве призвано перевешивать сами результаты художественной деятельности. Для философии, возможно, таким перевешивающим мотивом является само живое размышление, живое слово, которое, если автор предлагает увидеть важнейшие философские проблемы по-новому, так или иначе нагружено остранением. В процессе чтения книги А.В. Смирнова и следования за мыслью ее автора возникает аналогия с чтением детектива, когда с интересом и нетерпением следишь за ходом сюжета, его нетривиальными ходами, неожиданно открывая вдруг распахивающиеся перспективы и повороты, заставляющие думать иначе о вроде бы привычных вещах...

Подумать о многом иначе – так я бы сформулировала скрытое послание этой книги. И прежде всего, подумать иначе о самом сознании, в том числе «поставить вопрос о том, как возможно сознание»¹. Поставить вопрос и в этой постановке уйти от устоявшихся подходов и теоретических предпосылок, переосмыслить их, попытаться «поймать» сознание в его истоке, начале, дойти до его предельных оснований как до дна, которое позволяет оттолкнуться в сторону его нового понимания. Это проявляется в философском языке книги, где отчетливо видно, что автор избегает устоявшихся в философии понятий или их значений, чтобы не уводить мысль в привычное и давно проторенное русло. Мы обнаруживаем поиск новых понятий и смыслов, их иное толкование, которое, на мой взгляд, связано и с задачей говорить на *своем* языке – «своем» как в плане собственной авторской позиции, так и в аспектах формирования языка, выражающего особенности современной отечественной мысли. Это тоже можно понимать в контексте остранения. В. Шкловский в свое время обратил внимание на то, как Л. Толстой ведет изложение в произведении «Холстомер» от лица лошади, уходя от «человеческих интерпретаций» ее ситуации, и заставляет читателя прочувствовать эту ситуацию иначе, острее и глубже, и увидеть Другого в его независимом от наших привычных трактовок положении. И это оказывается очень важным – стать на иную позицию, *иначе* увидеть реальность и самих себя. Что-то подобное мы наблюдаем в рассматриваемой нами работе, вместе с автором становясь на такую позицию, с которой иначе раскрывается предметная область философии, ее ключевые проблемы и сам язык философии.

Следуя за размышлением А.В. Смирнова, я не раз ловила себя на том, что, в частности, не употребляя слова «экзистенция» или каких-то других

¹ Смирнов А.В. Сознание как смыслополагание // Философский журнал / Philosophy Journal. 2014. № 1 (12). С. 35.

заимствованных понятий, которые нередко могут закрывать смысл самого предмета разговора, прятать его под сеткой привычных интерпретаций, автор через другую концептуальную и смысловую систему предлагает говорить о человеке, его сознании и существовании. В результате та или иная предметная область открывается своей неизведанной еще стороной. Это напоминает то, что в свое время М. Мамардашвили образно назвал пробуждением способности «видеть первым светом» (применительно к текстам М. Пруста). К видению «первым светом» человека, его опыта, его сознания, его положения в мире нас обращает система понятий, которая предлагается в первой, теоретико-методологической, части книги: свернутость, развернутость, связность, целостность, смысл. Они образуют концептуальный каркас логики смысла. Попытаюсь воспроизвести их взаимодействие, которое образует новые методологические основания понимания как человека, так и феноменов культуры.

Связность, текучесть мира оказывается началом сознания или его стихией. Мир здесь выступает не только и не столько в значении внешней действительности для субъекта. Сам субъект есть текучесть, которой он же овладевает посредством мысли и слова. Язык и сознание в своей неразрывности дают доступ к связности как полотну, фону для кристаллизации опыта. Размышление о языке и сознании оказываются и размышлением о сокровенной сфере самости как связности, которую нельзя разъять на части, чтобы тем самым понять. Напротив, как советует автор, нужно «начинать со связности», и тогда части обретают свой смысл².

Такое обращение к связности напомнило мне один пример, который можно рассматривать как ее иллюстрацию и основание последующего рождения смысла в сплетении свернутости и развернутости. Этот пример связан со случаем слепоглохой Хелен Келлер (1880–1968) – первого в мире человека, получившего высшее образование с этим недугом, и Энн Салливан – ее учительницы, с деятельностью которой связан прорыв в специальной педагогике. Как известно, в возрасте полутора лет Хелен перенесла тяжелое заболевание, в результате которого лишилась слуха и зрения, и ее личностное развитие остановилось. В то время более или менее четких методик обучения подобных детей не существовало. В возрасте семи лет родители нашли учителя, Энн Салливан, которая сама в детстве находилась в специальном интернате по причине плохого зрения и разрабатывала способы воспитания слепоглохих, используя и свой собственный опыт. Впоследствии Хелен Келлер, ставшая писательницей, реконструировала момент и стечение обстоятельств, когда в ее развитии произошел скачок, своего рода прозрение, пробуждение, начало ее личности, определившее дальнейшее становление. Этот момент интересен именно в отношении вопроса рождения смысла как связности.

Хелен уже в первый день общения с учителем установила связь между сигналом и получением предмета и могла воспроизвести этот сигнал. Но девочка не понимала, что особые прикосновения Салливан к ее руке обозначают знаки, из которых можно сложить слова. Члены семьи, с трудом верившие в возможность успеха, отчаивались и говорили о прекращении занятий³. Переход от простого повторения к «осознанию» осуществился у Хелен

² Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М., 2021. С. 34–35.

³ Драматичность этого периода жизни Хелен в разных оттенках передана в известной пьесе У. Гибсона «Сотворившая чудо».

в одно мгновение. Когда она набирала воду, и учительница выводила на ее ладони знаки, она внезапно поняла, что особые прикосновения к ее руке означают жидкость. Слово «в-о-д-а» стало восторгом возвращенной мысли, пробуждением души, открытием таинственной сути языка – именно так впоследствии писала об этом событии Х. Келлер, которая поняла, что все имеет свое имя. В тот же день она выучила много новых слов⁴. Именно с этого момента пошло довольно быстрое развитие девочки, она начала понимать, читать, писать. Впоследствии она трактовала это как освобождение из хаоса или его просветление, которое символизирует понимание – себя, мира, отношений с ним, путь смысла. Это, думаю, и было вырастанием слова из связности, или рождением новой связности; слова – как будто остановившего на миг текучесть мира и позволившего Хелен сделать шаг к овладению ею, или осмысленному встраиванию в ее поток. «Слова выхватывают отдельные моменты этой текучести, фиксируя их: капельки потока застывают как смола, своей прозрачностью намекая на континуальность породившего их потока, а отвердевшей поверхностью – на собственную ограниченность. Так текучесть схватывается как ограниченность отдельного; так отдельное выхватывается из континуального потока. Это отдельное – именно отдельно, т.е. отделено: неназванная текучесть прерывается как названность несвязного; только так и возможно слово»⁵.

Слово здесь – первый шаг к фиксации осмысленности. Расшифровать этот шаг не представляется возможным. Мы не знаем, почему в какой-то момент ребенок называет нечто своим именем, почему вдруг впервые он протягивает руку к предмету, понимая, что может взять его... Это удивительное сплетение опыта как включения в текучесть мира и субъектности – обнаружения собственной позиции по отношению к нему. Далее текучесть, связность воспроизводится на другом уровне – уровне Я – в речи человека, когда он творчески отражает, конструирует и реконструирует связность. Именно речь, несущая связность, а не язык играет в концепции сознания А.В. Смирнова определяющую роль⁶. Говоря о связи мысли и речи, превосходя тем самым ограниченность гипотезы Сепира – Уорфа, загоняющей мысль в возможности языка, автор предлагает подумать о мысли как присутствующей в нас, данной нам еще до языкового оформления. И ведет по цепочке размышления, приводящей к существованию законов или логики, определяющей наше мышление, но логики не формального, а совершенно иного характера – логики смысла. Об этом – немного позже. А пока – о важных в концепции логики смысла понятиях свернутости и развернутости.

Сворачивание и разворачивание или стратегия «свернутости-развернутости» – способ понимания того, как конституируются и работают сознание и речь. В слове «вода» для Хелен свернулось многое: ее отчаяние в темнице редуцированной телесности, ее впечатление, переживание от соприкосновения с тем, что она впоследствии назовет «чудесным и прохладным», участие другого человека, желающего помочь... Всё это и много чего еще связывается в одной точке, которую можно обозначить и затем развернуть – для себя и другого, точке, создающей субъекта связывания или делающей его иным. Связность – мира и меня, меня как такового в отношении к себе

⁴ Keller H. The story of my life. N.Y., 1903.

⁵ Смирнов А.В. Сознание как смыслополагание. С. 36.

⁶ Там же. С. 38.

самому – оказывается основанием сознания, которая, выраженная в речи, отсылает к живому акту присутствия в мире. У А.В. Смирнова есть сравнение связности и жизни на примере тела: «...в физическом теле человека можно обнаружить все, что будет найдено в живом человеке, кроме жизни...»⁷. По аналогии можно привести и пример с часами: часы, разобранные на части, или та же самая совокупность деталей, используемая в часах, еще не означает, что эта совокупность будет показывать время. Детали должны определенным образом относиться друг к другу, быть связанными друг с другом, и кем-то этот механизм еще должен быть запущен – тогда это системное качество «показывать время» мы увидим в действии.

Откуда приходит связность? Кто или что ее запускает? Ответ у автора есть. Связность, которую несет в себе человек, формируется в долгом пути становления культуры, она определена этим путем. Точнее сказать, путями становления культур, поскольку они разные и прошли свой путь, создав «большие типы» связности. Расшифровать совокупность факторов того или иного типа связности, думаю, невозможно, как невозможно угадать, почему именно в тот момент и вследствие каких причин Хелен Келлер поняла, что нечто неведомое можно обозначить знаками. Но попытаться уловить в речи как связности ее законы, основания, опираясь на проникновение в опыт определенной культуры, мы можем. А.В. Смирнов показывает нам это на примере субстанциальной и процессуальной логик, анализируя высказывания в разных языках, сравнивая концепты и философские понятия, опыт восприятия и переживания, укорененный в разных культурах, деятельность культурных и социальных институтов, двигаясь, как по спирали, и восходя от индивидуального до культурного пространства и обратно. Спираль – своего рода символ движения к центру, а в центре – устойчивые основания логики смысла культуры, действие законов, которые заставляют нас мыслить так, а не иначе... Автор показывает нам, что, понимая это, открывая эти законы, мы обретаем и способность видеть в нас самих и собственной культуре потенции к другим логикам и возможности их разворачивания. Такой взгляд несет новый импульс поиска оснований межкультурного понимания и диалога. Это нечто иное, чем формальная логика, которая стремится к «освобождению от власти содержательности»⁸. Скорее, это логика, которая из нее вытекает, или работает, опираясь на содержательность. Автор показывает, что логику смысла нельзя свести ни к формальным законам, ни к диалектике как содержательной соотнесенности или наполненности⁹. Опираясь и на то, и на другое, логика смысла оказывается снятием их противостояния и дает новую стратегию сравнительного философского исследования.

Помимо теоретических задач, задач понимания, открытие логик смысла «больших культур» имеет значение в распознавании их уникальности. Как пишет А.В. Смирнов, находя способ смыслополагания культуры, ее логику, мы понимаем, как разворачивается ее целостность. Сравнивая, открывая, что иная культура есть «то же иначе», «мы увидим Другого – как *того же*, что и мы, но *иного*: мы утвердим *тожесть*, полностью удерживая, более того, утверждая *инаковость*»¹⁰. *Тожесть* – помимо методологического

⁷ Смирнов А.В. Сознание как смыслополагание. С. 38–39.

⁸ Там же. С. 39.

⁹ Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания. С. 342–343.

¹⁰ Там же. С. 344.

указания на способ обретения варианта логики данной культуры содержит и указание на равенство культур, понимание каждой как особой целостности, несущей свой способ смыслополагания, что наполняет надеждой на цивилизационное продвижение в сторону их созвучия, полифонии.

Стратегия свернутости-развернутости, а в целом стратегия логики смысла исходит из идеи целостности опыта и возможности его распутывания и понимания как приоритетного способа по сравнению с принятием каких-либо внешних объяснений или посылок. Она является, как показано в книге, противовесом линейной атомистической стратегии выстраивания знания¹¹. На примере перевода автор показывает, что сознание и язык действуют по принципу «сворачивания-разворачивания», а не по принципу линейного выстраивания с элементарного уровня (например, фонемы). Это важный пример понимания, которое стремится не к аналитическим процедурам разъятия на части, а возводит исследуемое к целому, к целостному опыту. Такое восхождение, возможно, как раз и есть отличительный способ философского исследования таких сложных и многогранных феноменов, как опыт или сознание. Как и всякие стихийно формирующиеся, эмерджентные явления, они нелегко поддаются концептуализации. Познавая их, философия как будто трансцендирует в направлении от факта и феномена к понятию и смыслу. Она ставит своей задачей не столько аналитическое исследование элементарных составляющих, сколько конструирование сферы предельных оснований сознания, что позволяет концептуализировать знание о связанных с нею феноменах. Логика смысла в какой-то мере и есть такое трансцендирование как открытие связи, которая пронизывает культуру, проходит через все ее уровни и проявления, позволяет разобраться в жизненной многообразии, данном вовне и в нас самих, «распутать» его как целое. На сознание мы смотрим в связи с этим не через призму психических процессов или свойств, а как на целостное смысловое образование, которое включает эти процессы, выражает положение человека в мире и отношение к нему (отношение, данное или проявленное в речи, в действии, в культурных артефактах).

Понятия, которые предлагаются А.В. Смирновым, могут работать на разном материале как методологический каркас. Так, их совокупность может быть основанием исследования экзистенциального опыта и его рекурсивной динамики. В экзистенциальном опыте личности свернуты смыслообразующие переживания, которые разворачиваются в коммуникации, творчестве, самосознании, самопонимании. Так, М. Мамардашвили с опорой на тексты М. Пруста, которые он считает выражением «живого экзистенциального опыта», предлагает понимать его как историю «завязывающих актов». Это не что иное, как сжатые пружины опыта – свернутые переживания. Обнаружить их – значит подобрать ключ к самому себе и собственному опыту в целом. Пирожное «Мадлен» у Пруста, первый велосипед в пьесе М. Фриша «Биография» – примеры такой свернутости, разворачивание которой оказывается возвращением к непосредственной и ясной радости детства, связанной с первичной целостностью жизни и опыта, которая особым образом «упаковалась» в сознании и поднимает целый мир значимых впечатлений и воспоминаний. Опираясь на таинственное начало собственного опыта, человек, согласно образному выражению М. Мамардашвили, по крутой орбите (творчества,

¹¹ Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания. С. 31.

любви, веры) возвращается к нему всю жизнь в поисках «потерянного рая», рая, которого никогда не было¹², но представление о котором является осевым.

В разных вариантах попытку расшифровать, распутать себя делают авторы автобиографических историй, отыскивая скрытые пружины своей жизни, развития, самих себя. Почему они такие, какие есть? Почему произошли эти завязывающие акты? Их понимание позволяет отчасти получить доступ к актуальному состоянию, к собственному назначению, себе как неповторимому способу участия в мире. Распаковывая свернутые фрагменты опыта, его носитель в какой-то мере становится другим и в дальнейшем с другой высоты видит в себе самом и этих фрагментах, в своем прошлом, в других людях, в своей ситуации еще большее. Этот процесс не останавливается, как и сама жизнь, являясь экзистенциальной рекурсивностью опыта¹³.

В заключение хотелось бы отметить, что концепция логики смысла как философии сознания обнаруживает новый ракурс решения вопроса об отношении языка и опыта. Вариант их противопоставления ярко выразил Ф. Анкерсмит, в чем-то следуя за Х. Уайтом и провозгласив, что между языком и опытом нет компромисса, победа одного есть поражение другого¹⁴. Эмоционально и метафорически этот диссонанс отметила М. Цветаева: «Есть нечто большее слов, – вот вчера, остановка под деревом, это верней слов, в словах мы только нащупываем дно... Слова заводят... В словах мы плуваем... это глубокие потемки и иногда ужасающие мели, у меня иногда сухо во рту от слов, точно Сахару съела»¹⁵. Есть нечто большее слов и даже языка... Это и раскрывает, используя огромный арсенал философского и лингвистического опыта, автор обсуждаемой нами книги, А.В. Смирнов. Но это большее, обретаемое как связность и ее смысл, открывает нам язык в его глубоких связях с опытом, мышлением, традицией. И тогда нам ближе ответ Б. Пастернака: «Когда строку диктует чувство, / Оно на сцену шлет раба, / И тут кончается искусство, / И дышат почва и судьба». Язык поистине оказывается судьбой культуры, ее архетипической осью, если он понимается как квинтэссенция опыта, мост к нему, который не отнимает, но возвращает нам мир. В свою очередь, постигая истоки языка и культуры, мы по-новому видим человека, продвигаясь в прояснении его целостной природы.

Список литературы

- Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт / Пер. с англ. А.А. Олейникова и др. М.: Европа, 2007. 612 с.
- Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. 816 с.
- Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М.: ЯСК, 2021. 448 с.
- Смирнов А.В. Сознание как смыслополагание // Философский журнал / Philosophy Journal. 2014. № 1 (12). С. 35–57.
- Цветаева М. Письма 1905–1923 гг. / Сост. Л.А. Мнухина. М.: Эллис Лак, 2012. 788 с.
- Keller H. The story of my life. N.Y.: Doubleday, Page and Company, 1903. 441 p.

¹² Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. М., 2015. С. 34–35.

¹³ Можно найти интересные примеры философского и вместе с тем автобиографического «раскручивания» экзистенциальной рекурсивности – Н.А. Бердяев «Самопознание», К. Ясперс «Философская автобиография», Г. Марсель «Взгляд в прошлое», Ж.-П. Сартр «Слова» и др.

¹⁴ Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 33.

¹⁵ Цветаева М. Письма 1905–1923 гг. М., 2012. С. 705.

On integrity, its constriction and extension (to the discussion of the logical-semantic concept of consciousness)

Nadezhda A. Kasavina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Science. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: kasavina.na@yandex.ru

This paper is a full version of the author's talk at "Procedural Logic and Philosophy of Consciousness", a discussion dedicated to A.V. Smirnov's book "The Logic of Meaning as a Philosophy of Consciousness: An Invitation to Reflection" (2021). The proposed content can be viewed as a co-reflection on the key concepts of the logical-semantic concept of consciousness: coherence, integrity, constriction, extension as the foundations and methods of conceptualization in their existential perspective. It is stressed that the logical-semantic approach of A.V. Smirnov reveals new facets in the understanding of philosophical rationality, personal and cultural subjectivity, experience, consciousness and their formation. To demonstrate the general philosophical, methodological status of the system of concepts introduced by the author, analogies are drawn with the understanding of existential experience as a constriction of meaning-forming experiences that are unfolded by the subject in communication, creativity, self-understanding. The concepts that have received a conceptual justification in the works of A.V. Smirnov bring the origins of experience to another level of comprehension, in accordance with which the spectrum of understanding of human reflexive capabilities also changes. If we "start with integrity", as the author advises us, then the idea of recursiveness of experience as a pulsating process of comprehension and self-reflection in the process of human interaction with the world or his "flickering" being-in-the-world is strengthened and acquires new angles. Of particular importance here is the very style of author's reflection, which is associated with the revision of established philosophical categories and their interpretations, the departure from the usual interpretations to discover one's own philosophical language: one's own – both in terms of the individual author's approach and in aspects of the formation of the modern domestic philosophical tradition.

Keywords: logic of meaning, philosophy of consciousness, coherence, constriction, extension, experience, language

For citation: Kasavina, N.A. "O svyaznosti, ee svernutosti i razvernutosti (k obsuzhdeniyu logiko-smyslovoi kontseptsii soznaniya)" [On integrity, its constriction and extension (to the discussion of the logical-semantic concept of consciousness)], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 4, pp. 61–68. (In Russian)

References

- Ankersmit, F. *Vozvyshennyj istoricheskij opyt* [Sublime historical experience], trans. by A.A. Oleinikov et al. Moscow: Evropa Publ., 2007. 612 pp. (In Russian)
- Keller, H. *The story of my life*. New York: Doubleday, Page and Company, 1903. 441 pp.
- Mamardashvili, M.K. *Besedy o myshlenii* [Conversations about thinking]. Moscow: Fond Meraba Mamardashvili Publ., 2015. 816 pp. (In Russian)
- Smirnov, A.V. *Logika smysla kak filosofiya soznaniya: priglashenie k razmyshleniyu* [The Logic of Meaning as a Philosophy of Consciousness: An Invitation to Reflection]. Moscow: YASK Publ., 2021. 448 pp. (In Russian)
- Smirnov, A.V. "Soznanie kak smyslopologanie" [Consciousness as Meaning-Making], *Filosofskij zhurnal / Philosophy Journal*, 2014, No. 1 (12), pp. 35–57. (In Russian)
- Tsvetaeva, M. *Pis'ma 1905–1923 gg.* [Letters 1905–1923], ed. by L.A. Mnukhin. Moscow: Ellis Lak Publ., 2012. 788 pp. (In Russian)